

Стефан Гжибовски

Гибридизация русского старообрядческого говора в Польше

Studia Rossica Posnaniensia 35, 67-76

2010

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ГИБРИДИЗАЦИЯ РУССКОГО СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ГОВОРА В ПОЛЬШЕ

HYBRIDIZATION OF THE RUSSIAN OLD-BELIEVERS' ISLAND DIALECT IN POLAND

СТЕФАН ГЖИБОВСКИ

ABSTRACT. The dialect of Old-Believers, who have lived in Poland on North-Eastern borderlands since the end of 18th century, has retained its Russian, Pskovian character for a long time. After World War II it became an island dialect, and in the last 30–40 years, due to a number of reasons, it started to change under growing Polish influence. The influence is visible mainly on lexical, syntactic and phonetic levels and leads to hybridization, i.e. such a change by which one of the languages provides a formal grammatical frame for functioning of the phenomena taken from both of them. In the case in question, Russian morphology is such a frame for emerging hybrid-dialect, and it allows to preserve its Russian dialectal characteristics.

Stefan Grzybowski Uniwersytet Mikołaja Kopernika, Toruń – Polska.

1.1. В сфере польско-русских языковых контактов говор старообрядцев, проживающих в Польше в окрестностях гг. Сувалки и Августов с конца XVIII в., представляет собой уникальное явление, поскольку это единственный русский говор, находящийся в польском языковом окружении. В настоящее время это также островной говор, т.е. полностью оторванный от русского „языкового материка”. Таким он стал не сразу, а после 1945 г., когда старообрядцы, которые остались в Польше, потеряли контакт не только с общерусским языком, с которым поддерживали связь в течение XIX века, находясь в пределах Российской Империи, но и с говорами своих единоверцев в тех частях нынешних Литвы и Белоруссии, которые до Второй мировой войны входили в состав II Речи Посполитой¹. Других русских говоров в Польше нет,

¹ Исторические сведения о старообрядцах на территории Польши почерпнуты прежде всего из работ Е. Иванца (см. E. I w a n i e c, *Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII–XX w.*, Warszawa 1977) и Г. Потащенко (Г. П о т а щ е н к о, *Староверие в Литве. Вторая половина XVII – начало XIX вв. Исследования, документы, материалы*, Vilnius 2006).

и поэтому он является интересным объектом исследования процессов, происходящих в нем в последние десятилетия под влиянием польского языка².

Старообрядцы в Польше являются билингвами и кроме собственного говора владеют польским языком, причем, по нашим наблюдениям, их польский язык имеет литературную ориентацию³, польские региональные и диалектные северо-восточные черты являются незначительными, самым ярким из них можно считать употребление конструкции с предлогом **dla + род. п.** вместо дательного падежа адресата или косвенного объекта (напр.: *dla mnie to się podoba*). Ориентация на польскую литературную норму заметна также и в фонетическом оформлении их польской речи.

Влияние польского языка становится особенно интенсивным в последние несколько десятилетий, когда, с одной стороны, численность старообрядцев становится все меньше в результате миграционных и других социальных процессов (в настоящее время их в этом регионе ок. 800–1000 человек) и, с другой стороны, когда в результате цивилизационных сдвигов в их быту и обычаях усиливается контакт с польским окружением.

Статус языков в их билингвизме менялся с течением времени. Если еще в 60-е гг. XX в. для большинства старообрядцев русский говор был первичным, родным этнолектом, то начиная с 70-х гг. положение стало меняться в пользу польского языка вследствие усиленного влияния окружения, и в настоящее время можно говорить о смешанном двуязычии, при котором оба языка усваиваются почти одновременно, поскольку даже родители-старообрядцы дома говорят с детьми по-польски, объясняя это разными причинами, прежде всего тем, что в противном случае у детей будут затруднения в школе.

1.2. В настоящее время языковая ситуация в этом регионе довольно сложная⁴. На своем русском говоре хорошо изъясняются лишь самые пожилые старообрядцы, родившиеся до войны или в военное время. Они сохраняют

² Объектом обсуждения в настоящей статье является прежде всего говор деревень компактного проживания старообрядцев в Польше – Габове Гронды (Gabowe Grądy) и Бур (Bór), в 11 км к югу от г. Августов (Augustów), так как они подвергались в течение последних 10 лет наиболее тщательному изучению группой исследователей из Университета Николая Коперника в Торuni. Кроме того, отдельные наблюдения велись над языком старообрядцев в других местностях сувальского региона, где проживают единичные семьи или даже единичные лица, а также в гг. Августов и Суwalkи, где живет сравнительно большая популяция старообрядцев (по 200–300 человек), но они не представляют собой единой коммуникативной группы и к тому же, как правило, не передают своего русского говора следующим поколениям, особенно младшему. По тем же причинам нами не рассматривается говор мазурского региона старообрядцев.

³ См. также A. Zielińska, *Wielojęzyczność staroobrzędowców mieszkających w Polsce*, Warszawa 1996.

⁴ Подробнее об этом см. неопубликованную диссертацию М. Глушковского: M. Głuszko wski, *Socjologiczne i psychologiczne aspekty dwujęzyczności na przykładzie staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego*, Toruń 2009.

в своей речи многие фонетические и грамматические особенности их исходного говора, принадлежащего исторически к среднерусским акающим говорам псковской группы, допуская лишь небольшое количество лексических и синтаксических полонизмов⁵. В их детские годы он не был еще вполне островным, так как сохранял связь со старообрядческими говорами восточных окраин II Речи Посполитой, а также и потому, что их родители во время Первой мировой войны были эвакуированы в Саратов и таким образом имели контакт с общерусским языком.

Для поколений, родившихся позже, языковая социализация которых проходила уже в отрыве от общерусского языка и от старообрядческого большинства II Речи Посполитой, русский говор приобретает статус полностью островного и из-за интенсификации контактов с польским окружением, а также в связи со многими социальными процессами становится менее престижным и теряет свою значимость.

Для жителей свыше 60 лет он все еще является первичным и основным, так как коммуникативные потребности большинства из них не выходят за пределы семейных и соседских контактов, которые можно удовлетворять, пользуясь ограниченным кодом, каким по сути является говор. Они свободно владеют своим говором, правда, уже со многими полонизмами и с тенденцией к появлению гибридных образований. Их воспитание проходило еще в значительном отрыве от польского окружения в силу свойственной старообрядческим общинам установки на изоляцию от окружающего мира. Однако со временем эта установка стала терять свою силу, и начиная с конца 60-х гг. стала проявляться тенденция к открытости общины на внешний мир. И поэтому среди 40- и 50-летних старообрядцев в местностях компактного их проживания, особенно среди мужчин, многие из которых прошли службу в польской армии, школу и работу в городе, случаются лица, которые с трудом изъясняются „по-своему”, т.е. на своем говоре. Между собой они используют русско-польскую языковую смесь. В городах и деревнях с единичными старообрядцами в этом поколении знание говора становится все чаще пассивным.

Языковая ситуация поколения, появившегося на свет примерно после 1975 г., довольно разнообразная в зависимости от различных обстоятельств⁶. Причем сразу следует отметить, что активное владение говором у этого поколения наблюдается в основном там, где есть компактная среда, т.е. в деревнях

⁵ Этот говор и описан в работах И. Грек-Пабиc (см. публикацию ее работ в томе: I. G r e k - P a b i s o w a, *Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka i obyczajów*, Warszawa 1999 и прежде всего: *Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i biłostockim*, Wrocław 1968 и *Słownictwo rosyjskiej wyspy gwarowej staroobrzędowców mieszkających w Polsce. Rozwój i stan dzisiejszy*, Wrocław 1983) и И. Марыняк (например, I. M a r y n i a k o w a, *Imiesłowy w rosyjskiej gwarze starowierców mieszkających w Polsce*, Wrocław 1976), которые собирали материал еще в 50-е и 60-е гг. XX в.

⁶ См. M. G ł u s z k o w s k i, *Язык молодого поколения старообрядцев деревень Габове Гронды и Бур*, „Slavia Orientalis” 2006, nr 2, с. 239–59.

Габове Гронды и Бур. В других сельских местностях молодого поколения нет, а в городах Августов и Сувалки из молодых говором владеют лишь те, кто имеет постоянный контакт с родственниками в указанных деревнях. Но и в деревнях это зависит, в частности, от рода занятий (с сельским хозяйством, способствующим сохранению говора, связаны единицы), от приверженности к традиционным ценностям (вероисповедание, языковая традиция и т.п.) и от того, являются ли оба родителя старообрядцами (в смешанных браках отход от говора случается чаще). Некоторые из них приобщены в большей степени к своему говору, в частности потому, что многие из них начиная с 90-х гг. проходили курс Божьего закона в школе под руководством местного наставника или кого-нибудь из его окружения. Однако русский говор для них уже не является первичным. Польский язык тоже не занимает ведущего положения, хотя как литературный, т.е. язык культуры и всеобщего употребления считается более престижным и, кроме того, у лиц, стремящихся к использованию развитого кода, он занимает позицию основного. Польским языком они овладевают уже дома благодаря родителям, радио и телевидению, общению с польскими сверстниками в школе, особенно, если учатся в городе, а также на работе и т.д. Возникает своеобразное смешанное двуязычие, близкое к диглоссии, когда два языка употребляются для разных ситуаций и с разной стилистической направленностью.

Но, тем не менее, следует отметить, что говор передается из поколения в поколение как единый этнолект, а не разрозненные и отличные друг от друга идиолекты, и даже можно говорить о формировании у молодого поколения единого языкового узуса.

2.1. Одной из черт этого диалекта является формирование его под сильным влиянием польского языка, в результате чего возникает то, что иногда определяется как смешанный язык⁷. Процесс же, ведущий к его образованию, скорее всего следует называть гибридизацией, под которой, на наш взгляд, следует понимать такое смешение двух языковых систем, когда одна из них составляет основную структурную базу для функционирования элементов как первой, исконной системы (т.е. системы родного языка), так и системы второй, чужой, которая со временем начинает играть все большую роль в возникающем этнолекте, который в результате подчас становится непонятным для тех, кто знал и понимал исходное состояние. Именно такой процесс происходит в исследуемом говоре, где русская диалектная база псковского типа постепенно приобретает польское фонетическое, лексическое, идиоматическое и фразеологическое наполнение. Исконно псковской с некоторыми белорусскими примесями остается морфологическая система вместе с явлениями, зависящими от нее, т.е. не только формо- и словообразование, но и акцентуация, сохраняющая свободный и подвижный тип ударения даже в некоторых

⁷ P. B a k k e r, *Mixed languages as autonomous systems*, [w:] Y. M a t r a s, P. B a k k e r, *The mixed language debate*, Berlin 2003, с. 107–150.

словах, заимствованных из польского языка, система морфологических чередований вместе с морфонологическими явлениями, касающимися безударного вокализма, и некоторые другие. Эти явления и составляют тот формально-грамматический каркас, который позволяет утверждать, что формирующийся говор является русским.

2.2. Кроме формально-грамматической базы сохраняется основной словарный запас, прежде всего многие функциональные лексемы и первичный словарь, а все остальные элементы, вторичный словарь, а также способы построения фразы и идиоматика находятся под сильным влиянием польского языка и приобретают польские черты. Особенно это заметно в речи самых молодых носителей говора, их русская речь выглядит подчас как пословный перевод с польского языка. Итак, на вопрос об имени они отвечают только *я называюсь*⁸, а о том, чем обычно занимаются, говорят *я играюсь*, или даже *бавлюсь* (ср. польск. *nazywam się* и *bawię się*). Многие обороты в русской речи молодого поколения являются прямыми переводами с польского языка, даже с польскими лексическими заимствованиями, например: *поворачивать/сворачивать увагу* 'обращать внимание' (ср. польск. *zwracać uwagę*). Полонизируется также антропонимика, а вернее – наряду с русскими христианскими именами употребляются параллельные польские формы, не всегда связанные друг с другом этимологическими отношениями (например, русское крестильное имя *Евдокия* может сочетаться с польским *Danuta*, а *Серафима* с *Sylwia*, *Василий* обычно получает польское имя *Wacław*, а *Тимофей* может быть назван *Tadeuszem*). Женские фамилии на *-ин*, *-ов* теряют склонение и употребляются с нулевым окончанием (напр.: *Я естя Марфа Антипов*), что свойственно фамилиям такого типа в польском языке. Отсутствие склонения этих фамилий заметно в надписях на надгробных памятниках.

2.3. Особенно много в говоре лексических полонизмов, и это касается всех поколений старообрядцев, в разговорах на темы, касающиеся администрации, школы, медицинского обслуживания, новой техники в сельском хозяйстве и в быту, а также в разговорах на абстрактные, например, нравственные темы, т.е. при попытках переходить к тематике, требующей пользования развитым кодом. Заимствования из польского преобладают и в названиях элементов построек, в том числе и жилых деревянных домов, где подоконник – *парапёт*, жесь на крыше – *бляха*, нижнее бревно дома – *швелька*, а сарай – *стадла* и т.д. Ярким примером заимствования в области бытовой техники является название холодильника, оформленное по являющейся модели, свойственной говору – *лядўвка* (ср. польск. *lodówka*).

Согласно наблюдениям Д. Пасько, в речи старшего и младшего поколений старообрядцев деревень Габове Гронды и Бур можно отметить ок. 1100

⁸ В статье используется запись слов при помощи русского алфавита. В ней отражаются только некоторые фонетические явления (прежде всего безударный вокализм и указание на твердость некоторых согласных).

лексем, заимствованных из польского языка и полностью или частично адаптированных⁹. К этому следует, несомненно, добавить какое-то количество лексем, которые обнаружатся в речи среднего поколения (это еще предстоит исследовать) и, кроме того, учесть, что процесс заимствования польской лексики в этом говоре постоянно усиливается.

Ниже приводится примерный список наиболее частотных лексических полонизмов, зафиксированных у разных информантов и заменивших традиционные русские слова первичного словаря: глаголы *абхадзіць* (ср. польск. *obchodzić* – ‘отмечать, праздновать’), *адпавядаць* (*odpowiadać* – ‘отвечать’), *атправадзаць* (*odprowadzać* – ‘проводжать’), *ашукаць* (*oszukać* – ‘обмануть’), *бракаваць* (*brakować* – ‘недоставать’), *будаваць* (*budować* – ‘строить’), *даткнуць* (*dotknąć* – ‘прикоснуться’), *нагатаваць* (*nagotować* – ‘наварить’), *ладаваць* (*ładować* – ‘грузить’), *лучыць/ся* (*łączyć/się* – ‘соединять/ся’), *нарекаць* (*narzekać* – ‘сетовать’), *побрацься* (*pobrać się* – ‘жениться’), *повстаць* (*powstać* – ‘возникнуть, появиться’), *псуць/ся* (*psuć/się* – ‘портить/ся’), *чуться* (*czuć się* – ‘чувствовать себя’) и их многие дериваты; существительные: *аброчка* (*obrączka* – ‘обручальное кольцо’), *калежэнка* (*koleżanka* – ‘подруга’), *калёйка* (*kolejka* – ‘очередь’), *научыцель/ка* (*nauczyciel/ka* – ‘учитель/ница’), *падлога* (*podłoga* – ‘пол’), *пакута* (*pokuta* – ‘покаяние’), *патэлья* (*patelnia* – ‘сковорода’), *склеп* (*sklep* – ‘магазин’) и их дериваты; прилагательные и наречия: *лагодный* (*ładny* – ‘кроткий’), *небэскі* (*niebieski* – ‘голубой’), *павінен* (*powinien* – ‘должен’), *файны* (*fajny* – ‘хороший’), *одразу/отразу* (*od razu* – ‘сразу’) и многие другие.

2.4. Яркими примерами гибридации являются кальки, т.е. единицы, составленные из исконных русских элементов, но мотивированные существующими польскими единицами. Д. Пасько отметила ок. 300 лексических новообразований такого типа, например, словообразовательные: *атнайці* (‘найти, отыскать’ – ср. польск. *odnaleźć*), *дакуда* (‘куда’ – *dokąd*), *накрута* (‘вкрутую’ – *na twardo*), *передваённый* (‘довоенный’ – *przedwojenny*), *преклинаць* (‘проклинаять’ – *przeklinać*), *примаразки* (‘заморозки’ – *przymrozki*), *смучыць* (‘замучить’ – *zmęczyć*) и семантические: *радына* (‘семья’ – *rodzina*), *уважаць* (‘считать, думать’ – *uważać*), *заставляць* (‘оставлять’ – *zostawiać*) и др. Есть также полукальки и/или гибриды, напр.: *штодэenne* (‘ежедневно’, ср. польск. *codziennie*), *падпильнаваць* (‘подсмотреть’ – *podpilnować*).

2.5. Наиболее значимыми в процессе гибридации говора являются синтаксические и фразеологические кальки.

В области синтаксиса следует обратить внимание прежде всего на повсеместное употребление глагола *меть/иметь* для выражения самых разнообразных семантических отношений, но именно тех, которые в польском языке

⁹ См. ее неопубликованную диссертацию: D. P a ś k o, *Funkcjonowanie rosyjskiej gwary staroobrzędowców z Gabowych Grądów i Boru w warunkach dwujęzyczności polsko-rosyjskiej*, Toruń 2008.

выражаются при помощи его эквивалента *mieć*. Это в первую очередь выражение разных посессивных отношений – напр.: *намёты маюот* ('у них есть палатки' – ср. польск. *taja pamiętu*), *я маю дочки* ('у меня есть дочери'), *брат маёт жену* ('у брата есть жена'). Под влиянием польской конструкции *X ta N lat* старообрядцы говорят *сестра маёт двадцать лет*, *я мела сем год*. Польские фразы с глаголом *mieć* и инфинитивом для выражения самых разнообразных отношений находят свое отражение и в говоре старообрядцев, напр.: *ешич годик маёт учёться* (предстоящее событие), *што маю дэлать* (долженствование), *не мели што куплять* (отсутствие возможности выполнить какое-нибудь действие) и т.п.

Под воздействием польского языка в предложениях структурной схемы $N_1 - N_1$ (*Мой отец – рабочий*) в формах настоящего времени появляется связка *есть/ёстя*, и одновременно с этим вместо именительного падежа именного сказуемого может появиться творительный (*ана ёстя студэнткай, он есть шобферам, глава дома есть муж*). Также и в других синтаксических контекстах в соответствии с польской связкой *jest* в говоре может появиться *есть/ёстя* (*эта ёстя с мяса* – 'это [сделано] из мяса', *в байни ёстя тёмно*).

Для выражения повторяемости событий старообрядцы используют конструкцию *што + вин. падеж существительного*, обозначающего отрезок времени: *што год, што неделю, што вэчер, што два часа* (ср. польск. *co dzień, co godzinę*). Также для обозначения частотности может появиться конструкция *раз на + вин. падеж*: *раз на четырёе года, три раза на год* (ср. польск. *raz na rok*). Фразы *за неделю, за год* выражают временное последствие, а *через три года* – продолжительность какого-либо события, согласно нормам польского языка, но в противовес русскому литературному. Глагольное управление подчас подчиняется польским нормам, например: *жениться с каталичкай, радаваться с ётай работы, ждать на кватэру, пользуемся с техники* и т.д.

Сплошь и рядом в говоре выступают фразеологические сочетания и идиомы, смысл которых раскрывается, если учесть, что они являются переводами соответственных польских выражений. Например, смысл фразы *он ужё не живёт* становится понятным только при уточнении *помёр ужё* (ср. польск. *on nie żyje* – 'он умер'). Выражения *тягаться за лбы, даставать бёлай гарячки, пара шила с галавы, перебраать мерку, не входить в галавы, не мёститься в главы, нервы пустили, никаму волас с галавы не спал, што адін то лучше, накінуть клятву* и целый ряд других (Д. Пасько отметила ок. 50) понятны подчас только для знающих польский язык.

3.1. Под воздействием польской фонематической системы у всех старообрядцев, кроме 60–70-летних, оказался и фонетический уровень. Только самые пожилые отчасти сохраняют исходную фонематическую систему говора, близкую к исходной.

Основными чертами этой системы были: 1) корреляция по твердости-мягкости всех согласных кроме шипящих и [с], а также 2) сильное яканье с остатками умеренного и диссимилятивного. В настоящее же время сильной

модификации подвержена мягкостная корреляция, особенно в подсистеме переднеязычных согласных, которая в исходном говоре была представлена соотносительными рядами:

t	d	s	z	ł	n	r
t'	d'	s'	z'	l'	n'	r'

В этой корреляции в настоящее время лишь вибранты сохраняют свой коррелятивный статус с некоторыми модификациями, касающимися их лексической нагрузки, но в пределах исходной системы. Сохранение парности носовых находит поддержку со стороны польского языка, в котором существует локальная оппозиция [n] : [ń].

Реализация [t], [d], [s], [z] в речи старшего поколения в основном находится еще в пределах русской нормы: [t], [d] произносятся с некоторой аффрикатизацией, но без повышения степени палатальности. Переднеязычно-зубное произношение свойственно также [s] и [z], в их тембре нет шепелявости белорусского типа. Твердый боковой согласный [ł] сохраняет зубную смычку во всех позициях и это переносится также на польскую речь информантов, где большинство из них употребляет этот звук вместо свойственного польскому языку глайда [w]. И. Грек-Пабис, однако, уже в 50–60-е гг. XX в. отметила возможность появления вместо него глайда [w] в некоторых идиолектах у старообрядцев¹⁰. Его мягкий коррелят [l] у старшего поколения сохраняет свойственную исходному говору палатализацию и в принципе носит зубной характер.

Следует также отметить, что эти согласные, как впрочем и остальные, составляющие мягкостную корреляцию (губные и заднеязычные), подвергаются нейтрализации перед [e] в исконно русской лексике. У представителей старшего поколения это переносится и на некоторые польские заимствования, напр. *вендлины* [vëndl^hiny] – ‘мясные изделия’, ср. польск. *wędliny*; *дыректёрка* [dyɛkt'orka] – ‘женщина-директор’ ср. польск. *dyrektorka*. Но уже и у них можно отметить возможность другой, модифицированной реализации переднеязычных согласных. Некоторые из них постоянно соскальзывают в шепелявое или даже палатальное произношение мягких зубных, прежде всего [t'] и [d'], которые иногда звучат уже полностью как польские среднеязычные [ć] и [ź].

Мягкие фрикативные и латеральный в основном остаются еще не затронутыми модификацией. Их полная модификация, т.е. среднеязычное произношение подобно польским [ś], [ź] – это удел старообрядцев помоложе, позднего старшего и раннего среднего поколения. Но у них все еще можно встретить зубную артикуляцию [l], мягкий же латеральный согласный уже может выступать как альвеолярный, правда, с вариантным сохранением мягкости.

У позднего среднего и младшего поколений старообрядцев обсуждаемый участок корреляции уже полностью подвергся воздействию польской орфо-

¹⁰ I. Грек-Пабисова, *Rosyjska gwara starowierców...*, указ. соч., с. 30.

фонической нормы. Это было отмечено мной еще в начале 70-х годов, когда в песнях тогда еще самых молодых жителей этих деревень слышалось только [šiv'odńa], [švid'ańija], [šiz'it], [šib'a], [d'umawa], [lubl'u] и т.д., что составляло в то время резкий контраст с речью ныне ушедшего поколения старообрядцев, рожденных на рубеже XIX–XX вв. И сейчас старообрядцы моложе 50 лет знают только среднеязычную (палатальную) реализацию мягких переднеязычных согласных и наряду с этим глайд [w] вместо зубного [l].

3.2. Таким образом, исходная система подверглась значительной модификации. При сохранении отношений между вибрантами мягкость шумных согласных подверглась трансформации из палатализованности в палатальность, а противопоставление по твердости-мягкости латерального участка превратилось в противопоставление: веляризованный глайд vs. альвеолярный боковой, который приобретает позиционную палатализованность лишь перед [i] и [j], как и польский [l].

Конечный этап преобразования можно представить следующим образом:

t	d	s	z	n	w	r
ć	ź	ś	ż	ń	l	r'

где лишь между [r] и [r'] можно усматривать чистое отношение „твердый – мягкий”, остальные согласные находятся за пределами такого типа отношений.

Однако в отличие от доминирующей разновидности польского литературного языка в этом говоре у губных и заднеязычных согласных еще можно усматривать фонологическую оппозицию по твердости-мягкости, так как в нем сохраняется фонотактическое противопоставление цепочек типа [C'V] : [C'jV], например: *мясо* : *семья*.

У самых младших носителей говора, однако, намечается тенденция к асинхронной, йотовой реализации мягкости губных согласных, т.е. к произношению [p'j'ac] [b'j'ewuj], что, естественно, ведет к утрате этого противопоставления и, подобно современному польскому языку, к выходу этих согласных из мягкостной корреляции.

Наряду с этим в фонематическую систему этого говора проникли из польского языка фонемы [ʒ] и [ʒ̣], не включенные в эту корреляцию, прежде всего в заимствованных из польского словах *дзбан*, *адправадзать* и *джем*, что добавочно снижает участие мягкостной корреляции в его фонематической системе.

К этому следует добавить, что в речи информантов моложе 60 лет нейтрализация твердых и мягких согласных перед [e] в заимствованиях из польского уже подавляется, напр.: [par'apet], [dyr'ektor], [t'exnikum] и др.

Таким образом, консонантизм этого говора, если не учитывать вибрантов, представляет польский тип отношений.

3.3. Несколько по-другому формируются отношения в вокализме, особенно безударном, в котором преобладает сильное аканье и сильное яканье

с остатками умеренного и, по всей вероятности, диссимилятивно-ассимилятивного. Это наблюдается в исконной русской лексике и отчасти в заимствованной из польского, прежде всего в речи старшего поколения. У молодого поколения в польских словах может вариативно сохраняться безударное [o] в корневых морфемах, например: [potstav¹ovuju], [koleż¹ank¹i].

У самых молодых старообрядцев намечается изменение ритма ударных и безударных слогов на польский манер, а именно, вместо русского ритма по формуле А. Потебни 1 2 3 1 можно заметить ритмизацию, близкую к польской, т.е. 2 2 3 2. Вместе с тем произношение безударных гласных второй ступени редукции начинает получать ориентацию на ударные, например, наблюдается замена централизованного безударного гласного [ъ], доминирующего в речи старшего поколения, ослабленным гласным [a] в предударных и – что самое интересное – гласным [y] в заударных слогах, исключая конечные открытые, напр.: [maw¹odyva] – *молóдого*, [g¹owyt] – *голод*, [st¹aryśc] – *старость*, [l¹etym] – *летом*, [j¹exyw] – *exал*, но изредка и в предударных слогах, напр.: [tynce¹v¹aw] – *танцевал*. Этот процесс можно рассматривать как проникновение польских орфофонических навыков в реализацию русского безударного вокализма, в котором наряду со свободным и подвижным ударением сохраняются свойственные исходному говору чередования ударных и безударных гласных, но их статус носит морфонологический характер, т.е. они перестают быть результатами живого фонетического процесса, а выступают как немотивированные чередования. Важно отметить, что большинство произнесений [y] приходится на безударные флексии, напр.: [m¹awuj¹a] – *мáлая*, [d¹umuj¹u] – *дúмаю*, [k¹v¹alerym] – *кавалéром*, [na j¹ag¹dyx] – *на я́годах*.

Пока еще прочно удерживаются русские акцентуационные отношения, т.е. свободное и подвижное ударение, это касается также большинства заимствований из польского языка, где ударность привязывается к морфеме. Самым ярким примером этого может быть ударение в слове *вешáк* ('вешалка' ср. польск. *wieszak*), *вешакá*, но в некоторых польских словах, напр.: *парáпет* – *парапéты*, можно отметить и применение польского пенультиматизма.

3.4. Таким образом, фонетическая система русского говора старообрядцев в Польше также испытывает влияние польского языка, и в ней наряду с сохранением исконных отношений в вокализме происходит модификация отношений в консонантизме, что тоже можно определить как гибридизацию. Гибридность в данном случае заключается в том, что русский диалектный вокализм псковского типа функционирует в рамках уже почти полностью польского консонантизма.